

Курьер 1897, 14 дек. № 29

Мас. 1017

этихъ воззрѣннхъ, и возвращенію къ нимъ можно лишь привѣтствовать.

Мысли вслухъ.

VII.

Послѣдніе рассказы А. П. Чехова.

Печальныя вѣсти о болѣзни нашего даровитаго писателя не только смѣнились положительными свѣдѣніями объ его выздоровленіи, но и находятъ себѣ категорическое опроверженіе въ двухъ превосходныхъ, полныхъ прежней силы таланта и мысли, рассказахъ А. П. Чехова, напечатанныхъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Мы отъ души привѣтствуемъ глубоко симпатичнаго писателя съ выздоровленіемъ и радуемся за его читателей. Въ безплодной пустыни нашей современной художественной литературы талантъ А. П. Чехова выдѣлился въ числѣ весьма немногихъ оазисовъ, гдѣ, хотя изрѣдка, жаждущій путникъ утоляетъ жажду талантливаго, художественнаго слова, правдивой мысли, поэтическаго образа. Правда, въ „Печенѣжѣ“ и „Въ родномъ углу“ извѣщаютъ лишь тяжелыя думы, вызываютъ лишь горькія чувства, но развѣ виноватъ художникъ, что сама жизнь ставитъ передъ нимъ лишь печальныя образы и вызываетъ въ его лири скорбные звуки. Къ тому же дарованіе нашего писателя преимущественно такого рода, что съ

особою силою передаетъ отрицательныя стороны жизни, вызывающія у него то иронію, то сатирическую улыбку, то принудъ скорбь и сожалѣніе. Развѣ не кишитъ наша жизнь и особенно провинціальная, изображенію которой посвящены оба послѣдніе рассказа г. Чехова, этими дикими, деспотическими, глубоко нечуждыми и въ то же время чого-то ищущими, чѣмъ-то глубоко-неудовлетворенными, чуждыми, болѣе чѣмъ сознающими свою дикость „печенѣжками“, отъ которыхъ терпится все близкое, все имъ подвластное? Развѣ не глубоко вѣрная, художественно подмѣченная черта—цѣлыя ночи говорить о разныхъ задачахъ жизни, замучить своего собесѣдника жалобами и сѣтованіями неудовлетворенно-мятущейся души, мнить себя существомъ высшимъ, самодовольно, не видя своей пошлости, презирать окружающихъ и въ то же время не замѣчать всѣхъ извѣтъ близкой, тутъ, бокъ-о-бокъ стонущей живой души, и не только не замѣчать оя горя и нужды, но и давить ее всею силою своего деспотизма и грубости? Развѣ этотъ до глубины души опротивѣвшій своему собесѣднику „печенѣжъ“ не точная копія съ нашихъ „отцовъ“, разсуждающихъ о чемъ угодно, праздно-болтающихъ чуть не о всѣхъ государственныхъ и общественныхъ вопросахъ и не видящихъ, что ихъ „дѣти“, ихъ семья живутъ въ безвыходной тѣнѣ невѣжества и дикости, доходящей до чисто-печенѣжскаго зѣвства? Приглядитесь, читатель, къ окружающей жизни,—не нужно даже въ провинцію для этого ѣхать,—и вы увидите, какъ эта жизнь кишитъ „печенѣжками“. Также точно не надо отпираться и въ „родной уголъ“, чтобы вполне убѣдиться, что чеховская Вѣра—еще одинъ съ художественной правдой нарисованный портретъ въ обширной галлерей типовъ русскихъ женщинъ.

Отъ безсмертнаго пѣвца Татьяны до нашего талантливаго современника рисуютъ романисты и поэты нашихъ женщинъ и дѣвушекъ, и все та же скорбная черта тоски, неудовлетворенности, разрушенныхъ надеждъ, разбитой жизни дежитъ на всѣхъ этихъ лицахъ.

Каково же душевное содержаніе, какіе горизонты и идеалы намелъ нашъ современный художникъ въ душѣ своей героини?

Вѣра—дѣтя средней интеллигентной семьи, недурна собой, молода, изящна, любитъ жизнь, кончила въ институтѣ, выучилась говорить на

3

трехъ лямкахъ, много читала, путешествовала съ отцомъ—попадаетъ въ „родной уголокъ“, въ степную усадьбу, по соседству съ которой живутъ и крестьяне и заводскіе люди, среди нихъ и „инженеры, доктора, штейгеры“, которыхъ кружокъ—„сила“.

Только помѣшниковъ нѣтъ: „перевелись, не живутъ тутъ“. Наблюдаетъ Вѣра эту жизнь, случается среди нея досада, и въ концѣ-концовъ задаетъ себѣ вопросъ: „что же дѣлать? Куда дѣваться? И никакъ она, говоритъ авторъ, не могла дать себѣ отвѣта и, когда возвращалась домой, то думала, что едва ли здѣсь она будетъ счастлива и что бѣжать со станціи сюда (по степной дорогѣ, среди громадныхъ, безконечныхъ, изрѣзанныхъ своими одиообразными пустынныхъ пространствъ) гораздо интереснѣе, чѣмъ жить здѣсь. Домашняя жизнь семьи Вѣры скучна и стра, дѣйствительно, до крайности скучна: рукава занимаютъ хозяйствомъ („всѣ облѣнились, никто ничего не дѣлаетъ, имѣніе не приноситъ никакого дохода“), тиражируютъ прачку, которая „къ вечеру уже выбивалась изъ силъ“, устраиваютъ скандалы изъ-за неподаннаго во-время хлѣбу, принимаютъ гостей, играютъ съ ними съ утра въ карты, кѣмъ день вѣдать, такъ что несчастная дѣвушка, увидѣвъ, что во всѣхъ комнатахъ гости, „едва не захлебывалась съ отчаянія“. На заводѣ и у сосѣдей—та же игра въ карты, танцы, фанты, ужины. Молодые люди иногда сходились въ одну комнату, и тутъ въ сумеркахъ говорили о шахтахъ, о кладахъ, зарытыхъ когда-то въ степи, о Сауръ-Могилѣ. Во время разговора въ позднее время случалось вдругъ—доносилось „караулъ“. Это пьяный шель или грабили кого-нибудь по соседству въ шахтахъ... Читали очень мало, играли только марши и полки. Никогда въ другомъ мѣстѣ Вѣра не встрѣчала такихъ равнодушныхъ и беззаботныхъ людей, какъ здѣсь. Казалось, что у нихъ нѣтъ ни родины, ни религіи, ни общественныхъ интересовъ. Вѣра выписывала книги и журналы, читала у себя въ комнатѣ и думала—что дѣлать? куда дѣваться? Проклятый назойливый вопросъ, на который давно уже готово много отвѣтовъ и въ сущности нѣтъ ни одного. „О, какъ это, должно быть, благородно, свято, картинно служить народу, облегчать его муки, просвѣщать его. Но она, Вѣра, не знаетъ народа, и какъ подойти къ нему? онъ чуждъ ей, неинтересенъ; она не выноситъ тяжелого запаха нѣтъ, кабацкой бра-

4

ни, номытыхъ дѣтей, бабьихъ разговоровъ о болѣзняхъ. Идти по сугробамъ, зябнуть, потомъ сидѣть въ душной избѣ, учить дѣтей, которыхъ не любишь—нѣтъ, лучше умереть! И учить мужицкихъ дѣтей въ то время, какъ тотъ Даниа получаетъ доходъ съ трактировъ и штрафуется мужиковъ—какая это комедія! Сколько разговоровъ про школы, сельскія бібліотеки, про всеобщее обученіе, но вѣдь если бы всѣ эти знакомые инженеры, заводчики, дамы не лицемерили, а въ самомъ дѣлѣ увидѣли, что просвѣщеніе нужно, то они не платили бы учителямъ по 15 рублей въ мѣсяцъ, какъ теперь, и не морили бы ихъ голодомъ. И мысли и разговоры о невѣжествѣ—это для того только, чтобы заглушить совѣсть, такъ какъ стыдно имѣть нѣтъ или десять тысячъ десятинъ земли и быть равнодушнымъ къ народу... И Вѣра чувствуетъ злобу на себя и на всѣхъ.

Сдѣлаться прачкою? Но она чувствуетъ необходимое отвращеніе къ трупамъ и болѣзнямъ. „Хорошо бы стать механикомъ, судьей, командиромъ парохода, ученымъ, дѣлать бы что-нибудь такое, на что уходили бы всѣ силы, физическія и душевныя, и что бы утомляться и потомъ крѣпко спать ночью; отдавать бы свою жизнь чему-нибудь такому, что бы быть интереснымъ человѣкомъ, правиться интереснымъ людямъ, любить, имѣть свою, настоящую семью. Но что дѣлать? Съ чего начать?“

И мятется душа у этого несчастнаго существа, жаждущаго жизни, дѣятельности, полного силъ и стремлений. Но, увы!—кромя того же вѣчнаго, единственнаго, безысходнаго исхода, который обрѣтаютъ сотни нашихъ дѣвушекъ, и Вѣра не находитъ ничего лучшаго. Она выходитъ замужъ за человѣка, котораго и не любитъ и не уважаетъ. „Очевидно, счастье и правда существуютъ гдѣ-то вѣж жизни“, говоритъ она.

Хорошо или дурно поступила Вѣра, права или неправа она въ своемъ приговорѣ надъ жизнью,—не будемъ здѣсь рѣшать, и спросимъ лучше, не сдѣла ли и школа, не общественная ли жизнь, не окружающіе ли люди, не только не развившія силы дѣвушки, но и подавившія ихъ, привели ее къ такому выводу? Не пора ли намъ задуматься въ условія воспитанія и развитія нашихъ женщинъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.